

С. А. Маньков

Крепостник в рясе. Взлет и падение священника Алексея Чулкова (1789–1867)

УДК 94(470)"18"+271.2-726.3-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_12
EDN AQZACJ

Аннотация: В начале XIX в. и вплоть до отмены крепостного права в Российской империи, в связи с расширением практики пожалования императорских орденов, возникла небольшая прослойка белых священников-помещиков, которые в силу своего дворянского положения имели право владеть землей с крестьянами и дворовыми людьми. Широкие властные полномочия, которыми обладали помещики в указанный исторический период, нередко приводили к злоупотреблениям и актам взаимного насилия в дворянско-крестьянских взаимоотношениях. Не стала исключением и практика управления поместьями некоторых священников-дворян, психологически не готовых к новому социальному статусу. В статье рассматривается биография священника Алексея Чулкова (1789–1867), награжденного за свое служение в различных гвардейских частях орденом Святой Анны и правом на потомственное дворянство. Приобретая поместье в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии, иерей Чулков стал живым примером помещичьего деспотизма и самодурства, что привело его после череды скандалов к лишению престижного прихода, аресту и извержению из сана.

Ключевые слова: крепостное право, военное духовенство, духовенство гвардейских частей, дворянство, священники-дворяне, покушение на помещиков, извержение из сана, Россия в XIX веке, Санкт-Петербургская губерния, Шлиссельбургский уезд.

Об авторе: **Сергей Александрович Маньков**

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Государственного музея-заповедника «Царское Село».

E-mail: mankov21@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8815-253X>

Для цитирования: Маньков С. А. Крепостник в рясе. Взлет и падение священника Алексея Чулкова (1789–1867) // Христианское чтение. 2022. № 3. С. 12–35.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2022

Sergei A. Mankov

**Landlord in a Ryassa. The Rise and Fall
of Priest Alexei Chulkov (1789–1867)**

UDK 94(470)"18"+271.2-726.3-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_3_12
EDN AQZACJ

Abstract: At the beginning of the 19th century and up to the abolition of serfdom in the Russian Empire, in connection with the expansion of the practice of awarding imperial orders, a small stratum of married priests-landowners arose, who, due to their noble status, had the right to own land with peasants and courtyards. The broad powers of power that the landowners possessed in the specified historical period often led to abuses and acts of mutual violence in the noble-peasant relationship. The practice of managing the estates of some noble priests, who were psychologically unprepared for a new social status, was no exception. The article examines the biography of Priest Alexei Chulkov (1789–1867), who was awarded the Order of St. Anne and the right to hereditary nobility for his service in various guards units. Having acquired an estate in the Shlisselburg district of the St. Petersburg province, Priest Chulkov became a living example of landlord despotism and tyranny, which led him, after a series of scandals, to the deprivation of a prestigious parish, suspension and expulsion from clerical orders.

Keywords: serfdom, military clergy, clergy of the guards, nobility, noble priests, attempted assassination of landowners, expulsion from orders, Russia in the 19th century, St. Petersburg province, Shlisselburg district.

About the author: **Sergei Alexandrovitch Mankov**

PhD in History, senior researcher at the State Museum-Reserve “Tsarskoye Selo”.

E-mail: mankov21@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8815-253X>

For citation: Mankov S. A. Landlord in a Ryassa. The Rise and Fall of Priest Alexei Chulkov (1789–1867). *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 3, pp. 12–35.

В любом обществе целеустремленные и честолюбивые личности стремятся повысить свой социальный статус и укрепить материальное положение. В Российской империи начиная с XVIII в. вследствие петровских реформ и введения Табеля о рангах для выходцев из податных сословий возникла возможность получения дворянства через пожалование военных либо гражданских чинов. Для семей белого духовенства перспектива приобретения дворянских сословных прав открылась в начале XIX в., в эпоху Александра I, посредством расширения системы награждения императорскими и царскими орденами. До 1845 г. любая степень ордена Св. Анны давала его обладателю право на потомственное дворянство. В этот период наблюдается все более частая практика оформления дворянства священниками-кавалерами и одновременно стремление их добиться «увольнения» собственных потомков из социально более обремененного духовного сословия [Маньков, 2021, 388–389, 391] с целью обеспечения для них карьерного роста и мобильности в новом состоянии.

Священники-дворяне получали право землевладения и обладания дворовыми и крепостными. Но непонимание скрадывавшихся веками родовых традиций ведения помещичье-крестьянских взаимоотношений, отсутствие навыков в самостоятельном распоряжении хозяйством и подборе компетентных приказчиков и управляющих, а также недостаток бытового авторитета у крестьян, привыкших видеть священнослужителя в другой социальной роли, нередко приводили «новых» дворян к неудачам и злоупотреблениям.

Одним из самых показательных и вопиющих примеров подобного двусословного феномена «помещиков духовного звания» первой половины XIX столетия является биография священника Алексея Чулкова.

Алексей Егорович Чулков происходил из духовного сословия. Его отец был дьячком при различных храмах, пока 19 ноября 1801 г. не был посвящен в стихарь с определением псаломщиком Царскосельской Воскресенской придворной церкви (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 3. Д. 633. Л. 1). Начиная с 1802 г. в течение ряда лет Егор Чулков служил псаломщиком при Никольском Богоявленском морском соборе в Санкт-Петербурге (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 4. Д. 515. Л. 3–4; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 12. Д. 507. Л. 2–5). Его дети, Алексей и Василий Чулковы, по ходатайствам отца были приняты в Александроневскую семинарию и успешно закончили богословский курс (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 3. Д. 632 Л. 1–2; ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 8. Д. 559. Л. 2).

Ещё будучи учеником Санкт-Петербургской семинарии, А. Е. Чулков стал певчим митрополичьего хора, а по её окончании в 1813 г. был определен на место дьячка в Петропавловской церкви с. Кейкино Ямбургского уезда (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 15. Д. 525. Л. 4; ЦГИА СПб. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 6. Л. 5).

25 апреля 1815 г. в Воскресенской церкви при Павловском кадетском корпусе он сочетался браком с дочерью псаломщика придворного собора Прасковьей Дмитриевной Котовской (?–1826). Поручителями были: псаломщик Никольского морского собора Егор Чулков, канцелярист Воспитательного дома Михайло Чулков и диакон Военно-сиротского дома Федор Самсониевский (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 391. Л. 6). В браке родилось трое сыновей: Виктор (1816–1847), Александр (ок. 1818 — до 1831) и Михаил (1821 — после 1867).

6 мая 1815 г. А. Чулков поступил диаконом в церковь свв. апп. Петра и Павла Сестрорецких оружейных заводов Выборгского уезда (РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 724. Л. 1–6). Данный приход находился в ведомстве военного духовенства, и служение в Сестрорецке стало определенным «трамплином» в карьере Алексея Чулкова. Обзаведясь нужными связями в военной среде, молодой диакон получил надежных ходатаев за себя перед церковным начальством.

5 февраля 1817 г. диакон Чулков подал прошение обер-священнику Главного штаба, войск гвардии и гренадер протоиерею Малой церкви Зимнего дворца Алексею Алексеевичу Торопогрицкому о замещении «праздного диаконского места» в Преображенском всея гвардии соборе. По указу Святейшего Синода от 22 февраля 1817 г.

№ 868 переведен в собор и 18 марта 1817 г. прибыл к месту служения (РГИА. Ф. 796. Оп. 97. Д. 1208. Л. 5–8).

В 1821 г. из-за болезни увольняется в Киевскую губернию протоиерей Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка Василий Григорьевич Ростовецкий. По предложению обер-священника Торопогрицкого в письме в Святейший Синод от 21 февраля 1821 г. на вакансию в полк был предложен диакон Алексей Чулков, а на его место — псаломщик церкви обер-священника Армии и флота Иоанна Державина Василий Александров. Предложение было принято указом Святейшего Синода от 19 марта 1821 г. № 977 (РГИА. Ф. 796. Оп. 102. Д. 220. Л. 2–5).

20 марта 1821 г. А. Е. Чулков был рукоположен во священники викарием Санкт-Петербургской епархии епископом Ревельским Владимиром (Ужинским) с переводом в Лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полк и выдачей 25 руб. 6 коп. прогонных денег. 28 марта 1821 г. прибыл к месту служения (РГИА. Ф. 806. Оп. 17. Д. 724. Л. 1–6).

На новом месте полковой священник царскосельских («желтых») кирасир характеризовался «поведения отличного-хорошего во всех отношениях» и имел очевидные заслуги. В рапорте командиру 1-го резервного кавалерийского (гвардейского) корпуса генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту Н. И. Депрерадовичу от 3 июля 1825 г. № 1175 командир Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка полковник П. И. Кошкуль указывал на то, что «священник Чулков... все обязанности по сану своему исполняет с особым усердием и рвением; обращая неусыпное старание в исполнении нравственности нижних чинов, достиг цели сей и приобрел вообще особенную у себе доверенность и уважение; все обращаются к нему, как истинному духовному отцу; даже других исповеданий нижние чины относились к нему с просьбой о исходатайствовании им позволения принять Греко-российскую веру, коих он с примерным благочестием обучал догматам оной». Начальник 1-й Кирасирской дивизии генерал-адъютант, генерал-лейтенант А. Х. Бенкендорф просил о награждении священника Чулкова камилавкой. Однако члены Святейшего Синода на заседании 20 августа 1825 г. отказали в просьбе воинского начальства, сославшись на высочайший указ, объявленный Святейшему Синоду 5 января 1822 г. министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным, в котором говорилось, что «Государь Император не соизволил на представление Святейшего Синода, епархиальных Архиереев, военных начальств и обер-священников, о награждении знаками отличия, тех священнослужителей, которые не имеют 35 лет от роду» (РГИА. Ф. 796. Оп. 106. Д. 918. Л. 1–6 об.).

Тем не менее воинское начальство не отступало. По ходатайствам и. д. начальника штаба Гвардейского корпуса генерал-адъютанта, генерал-майора С. П. Шипова, начальника 1-й Кирасирской дивизии генерал-адъютанта, генерал-лейтенанта В. В. Левашова, командира Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка генерал-майора П. И. Кошкуля и обер-священника Главного штаба Алексея Торопогрицкого иерей Чулков вновь представлялся к награждению бархатною фиолетовою камилавкой, но по засвидетельствованию Святейшего Синода от 17 декабря 1826 г. за усердную и ревностную службу всемиловитейше был представлен к награждению бархатною фиолетовою скуфьей (РГИА. Ф. 796. Оп. 107. Д. 948. Л. 1–8). В итоге он был награжден скуфьей по указу государя императора 24 января 1828 г. № 264 (РГИА. Ф. 796. Оп. 109. Д. 136. Л. 8).

По некоторым данным, в 1827 г. священник А. Е. Чулков временно служил в Троицком соборе Лейб-гвардии Измайловского полка [Бовкало; Измайловский собор].

Благодаря протекции вскоре после того почившего обер-священника Торопогрицкого, священник Алексей Чулков 19 апреля 1828 г. назначается настоятелем одного из самых престижных приходов его ведомства — церкви св. Георгия Победоносца при Главном штабе Его Величества. 6 декабря 1832 г. за усердную и ревностную службу священник всемиловитейше награжден бархатной фиолетовою камилавкой.

Вершиной карьерных достижений священника Алексея Егоровича Чулкова стало пожалование 22 апреля 1834 г. императорским орденом Св. Анны 3-й ст. (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 391. Л. 6 об.). Награда была очень желаемая ее обладателем, о чем

Императорский орден Святой Анны

мента искусственных дел Главного управления путей сообщения и публичных зданий коллежского секретаря Виктора Чулкова Мария Алексеевна (урожденная Азовская) с дочерью Елизаветой (1844 — после 1852) (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 391. Л. 60–60 об.).

Получив право на помещичье землевладение, иерей Чулков становится владельцем благоприобретенной у наследников титулярного советника Антонова деревни Майдаухта (она же Майдесухта, Алексеевская, Алексеевка) с крестьянами, расположенной в Путиловской волости Шлиссельбургского уезда (см.: [Шуберт; Куторга]).

Последующая биография нового дворянина духовного звания могла состоять из рутинного перечисления перемещений на должности и получения почестей, но именно изменения в социальном положении свящ. Алексея Чулкова, так чаемые им самим, очевидным образом повлияли на его мировоззрение и, в конечном счете, привели к падению. Известный афоризм британского историка барона Актона «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно» полностью применим к дальнейшей судьбе данного иерея.

Власть, которой пользовался помещик николаевской эпохи над своими крепостными, требовала большой ответственности, рассудительности и внимательности от ее обладателя, но, видимо, этих качеств и недоставало о. А. Чулкову.

Отражением этого стало первое громкое дело, связанное с покушением на жизнь помещика-священника, вскрывшиеся скандальные факты которого привлекли повышенное внимание как светских, так и духовных властей к его персоне.

12 июля 1841 г. петербургскому гражданскому губернатору, действительному статскому советнику В. А. Шереметеву поступил рапорт Шлиссельбургского земского суда, сообщавший: «11 числа сего июля месяца, часу в 9-м вечера здешнего уезда, деревни Майдаухты (Алексеевская тож) помещик, священник церкви Главного штаба и кавалер Чулков, быв пришедши на крестьянскую работу близ означенной его деревни состоящую, и отказав крестьянам своим, тут бывшим, после окончания той работы косить траву, отправился обратно, но вскоре после сего крестьяне, бывшие на работе, услышали выстрел и после его зов, г. Чулкова, на который те крестьяне тотчас побежали и, не доходя еще до господина своего, последовал в него другой выстрел, а по приходе нашли господина своего пораненным и лежащим в крови...» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–1 об.).

В рапорте шлиссельбургского земского исправника губернатору В. А. Шереметеву от 18 июля 1841 г. говорилось: «священник Чулков уездным врачом Пиотровским

говорит тот факт, что уже в мае того же года он подал прошение об утверждении в потомственном дворянстве. Определением Санкт-Петербургского дворянского депутатского собрания от 16 июня 1834 г., утвержденном указами Департамента герольдии Правительствующего Сената от 16 июня 1834 г. и 21 сентября 1835 г., священник А. Е. Чулков с сыновьями Виктором и Михаилом были внесены в 1-ю часть дворянской родословной книги Санкт-Петербургской губернии (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 391. Л. 35). По указу Департамента герольдии Правительствующего Сената от 31 декабря 1848 г. род Чулковых перенесен из 1-й части в 3-ю часть родословной книги (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 6. Д. 391. Л. 35 об.). Оба сына священника поступили на гражданскую службу. В дальнейшем к роду Чулковых 7 сентября 1852 г. были сопричислены вдова умершего старшего помощника столоначальника Департа-

был освидетельствован и оказалось, что рана нанесена ему пулею на правой стороне груди, в длину поперечины на полтора вершка, а в глубину около четверти дюйма, и что в Чулкова выстрел должен быть учинен вблизи, ибо по осмотру места, то, где последовал выстрел, имеет весьма густой лес и близ тропинки, где Чулков шел, имеется изгорода из толстых кольев, в верхнем поперечником которой от выстрела расстоянием на 4 сажени найдено отверстие от пролета насквозь пули. Нанесена ж рана, как врач Пиотровский объявил, ни малейшей опасности в жизни Чулкова не имеет. По произведенному исследованию видно, что при деревне Алексеевской, принадлежащей Чулкову, всего крестьян мужеска и женска пола 13 душ, сторонних же соседей вблизи никого нет, соседственных владельцев имения состоят в окружности от той деревни Алексеевской в расстоянии от 4 до 7 верст. Крестьяне деревни Алексеевской были спрошены каждый порознь, не имеют ли они на господина Чулкова какого недовольствия, однако все объявили, что они на господина и отца имеют, ибо они, быв при прежней владельце в расстроенном бедственном положении, со времени владения Чулкова получили от него все пособия на хозяйство, как-то: на посев рожь, овес, льняное семя, картофель, горох и прочие овощи, как семена, даже 4 года оплачивает за них казенные подати, не требуя возврата, так же он, Чулков, купил им коров, лошадей, именно все, что только принадлежит крестьянскому заведению, затем, когда были спрошены, не известно ли им, не из них ли кто учинил таковой злоумысел или не имеет ли кто из ближних селений, или сторонних людей какой злобы на их господина, то они отозвались незнанием, и Чулков сам в поданном временному отделению объяснении отозвался, что он на своих крестьян и сторонних людей, кто бы имел какую злобу и кто именно стрелял в него из ружья, никого не подозревает» (РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 797. Л. 11 об.).

«По следствию же оказалось, что когда учинен был первый выстрел в Чулкова, он закричал, почему близ убиравших кошеную траву крестьян его услышавши крик и выстрел, прибежали к нему, а некоторые бросились в лес искать злодея, учинившего выстрел, но никого по густоте леса не могли усмотреть, кроме того, что нашли собаку, которую и убили. В числе искавших в леску злодея был и крестьянин Чулкова, Козьма Степанов, будучи на сенокосе поутру рано пришедши, был охотник с собакою, он отбежал от прочих случившихся с ним крестьян к тому охотнику, тихо разговаривал и разошлись и он, Степанов, показывает, что он не знает его, кто он и откуда, тогда как по приходе того охотника он окликнул и тот остановился по отдаленности от прочих крестьян, а потому он, Степанов, весьма подозревается соучастником в злоумышленном против господина поступке. Притом он, Козьма Степанов, несколько времени прежде сего случая, прийдя в дом вновь выстроенный в деревне Алексеевской, где и застав, что мыли полы крестьянки, говорил им: „напрасно моете, не удастся в нем жить“. Сей крестьянин Степанов находился в отлучках у прежнего владельца и при нынешнем владельце Чулкове по явке его к нему был поставлен старостою в деревне, но за пьянство, дурное поведение и грубости из старост сменен, и его одного Чулков не одобряет, и потому полагать должно, что он, Козьма Степанов, имеет злобу на господина, что он должен быть соучастник и что приходившего того утра человека с ружьем знает, потому более, что он окликнул того охотника и тот остановился по отдаленности от прочих крестьян. При произведении вышеписанного следствия дошло до сведения временного отделения, что того ж 11 июля ведомства Гоф-интендантской конторы, села Путилова мастеровой Иван Лисин, занимающийся с малолетства стрельным дичи, пошел рано поутру на охоту, и около 3 часа пополудни расстоянием от деревни Валовщины и села Путилова, верстах в 4-х напали на него шедшие навстречу три человека, ему неизвестные, один, по-видимому, солдат, а двое из крестьян, которые будто бы ограбили его, Лисина, отняли двуствольное ружье, собаку, сняли с него одежду и охотничьи сапоги, почему этот мастеровой был мною взят и по спросу подтвердил учиненный над ним грабеж неизвестными людьми. А как того же утра приходил, как выше видно в деревню Алексеевскую человек с ружьем и собакою, который имел разговор с крестьянином Козьмою Степановым, которого и прочие крестьяне

тогда видели, то мастеровой Лисин всем крестьянам Чулкова был показан, однако они его, Лисина, не признали за того, который был поутру.

По розыску временного отделения, кроме одного подозрения на крестьянина Кузьму Степанова, никаких других следов, кто стрелял во священника Чулкова, не открыто, затем отыскиваются родственники, как крестьянина Степанова, так и солдатка, которой муж, бывший крестьянином Чулкова в прошлом 1840 году был сдан в рекруты, похвалялась за то, что его сдали в солдаты, припомнить Чулкову, а временное отделение, дабы не отвлекаться от других по должности обязанностей, закрыто. По совершенном окончании исследования земский суд не преминет вашему превосходительству подробно донести» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–1 об.).

Из рапорта Шлиссельбургского земского суда петербургскому гражданскому губернатору В. А. Шереметеву от 5 сентября 1841 г. следует: «Священник Чулков в объяснении пишет, что прибыл он в деревню свою Алексеевскую... для обозрения своего хозяйства и некоторых по оному распоряжений. 11 числа в 7 часу вечера из дома своего отправился он к крестьянам своим на сенокос их, находящийся в лугах за хлебопашными полями. Посмотрев на их труд, озаботился он узнать причины, до чего в концах ржаного поля растет много метлы, и пошел около поля по луку по направлению к дороге, ведущей в деревню его, и когда приблизился к оконечности поля и против него частого мелкого леса, то последовали весьма в близком от него расстоянии один за другим два выстрела из ружья, суда по скорости выстрелов, вероятно, двухствольного, за которыми тотчас выбежала легавая собака. Один выстрел прошел без вреда ему, а другим ранило его вскользь в мягкие части правой груди, разорвав кожу и коснувшись слегка тела, облитый кровью, он призывал криком своим крестьян своих, косивших траву от места выстрела сажень в 80-ти. Крестьяне тотчас прибежали на кризв его, бросились обыскивать небольшое пространство леса, скрывавшего убийцу, а некоторые побежали в деревню за ружьями. По тщетном искании убийц крестьянин Егор Иванов застрелил собаку, не отходившую от места выстрела более часа. Подозрения, кто бы из крестьян его посягал на его жизнь, никакого не имеется, присовокупляя, что крестьянин его, Кузьма Степанов, при покупке им деревни находился в отлучке по паспорту от опеки, по миновании срока паспорту спустя 1 год и 5 месяцев явился к нему, следовательно, спустя два года от покупки деревни и живя, неизвестно где 1 год и 5 месяцев без паспорта, и что поведения он сомнительного. Спрошенные при следствии все крепостные люди священника Чулкова деревни Алексеевской, обоего пола, бывшие на сенокосе отозвались совершенным незнанием, кто именно стрелял в их господина, и хотя они после выстрелов и по крику господина, прибежав к нему, тотчас бросились по лесу искать виновника, но никого не нашли, кроме выбежавшей собаки, которую из них крестьянин Егор Иванов, потому, что она хотела потом убежать, убил из ружья, что никто из них на жизнь господина своего не покушался и намерения к тому никогда не имели, что господин их поступает с ними как с детьми и во всех у них недостатках оказывает им вспомоществование из своего капитала без возврата, объявили также, что и подозрения, кто бы мог покуситься на жизнь господина их, ни на кого не имеют, кроме как на сторонних людей, показывая между прочим, что крестьянин Козьма Степанов занимается пьянством и когда случается им, крестьянам, между собой разговаривать о господине своем, то Степан всегда говорил о нем в худом отношении и насмехался над ними, когда они называют его батюшкою, приказывая называть его не иначе, как поп, и то всегда произносил вместе с бранными словами, а в самый день сего происшествия поутру видели они, что к ним на сенокос в довольно дальнем от них расстоянии вышел из леса неизвестный человек с ружьем и собакою, той самую, которая вечером, после учиненных в господина их выстрелов, убита, а Козьма Степанов, оставя работу, тотчас к нему пошел, разговаривал с ним довольно долгое время, но о чем, того они не слыхали, а возвратясь, на спрос их о сем человеке, сказал, что он из деревни Крутого Ручья. При сем крестьянские девки Матрена Петрова и Анна Иванова показали, что когда в последних числах июля месяца, в ожидании господина мыли поля

в доме, то крестьянин Козьма Степанов приходил к ним и говорил, что напрасно моют они полы, жить им не достанется. Крестьянин Козьма Степанов был спрашиван и как при допросе, так и на данных впоследствии с другими крестьянами по разноречиям его, очных ставках, ни в каких дурных поступках и намерениях противу господина своего не сознался, и также отозвался незнанием, кто посягал на жизнь его господина, а хотя и сознался в том, что он в день происшествия поутру, оставя работу, пошел к вышедшему из лесу с ружьем и собакою охотнику, но отозвался незнанием сего человека, а пошел будто бы сказать ему, зачем он на чужой даче ходит с ружьем и стреляет дичь, потом спрашивал его, откуда он и много ли настрелял дичи, и получил в ответ, что он из деревни Крутого Ручья и что не видал никакой дичи, почему ее у него и нет, возвратился к своей работе, а охотник тот пошел в лес. Посему деланы были розыскания сказанному охотнику по объявленным крестьянам приметам, как в деревне Крутом Ручье, так и в других деревнях со взятьем при том для личного усмотрения и некоторых из тех крестьян и крестьянских девок Чулкова, бывших на сенокосе, и несколько заприметившихся того охотника, но нигде такового охотника не оказалось и не открылось. Между тем при самом начале сего исследования путиловским сотский с объявления деревни Верхней Шальдихи мастерового Лисина, Андрея Лисина, донесли, что Иван Лисин 11 июля ходил за охотою в казенной Порецкой даче и по возврате из оной близ деревни Поляны, в расстоянии от оной с версту, напали будто бы на него три неизвестных человека, отняли у него двуствольное ружье, три пары разных птиц, весь ружейный припас, сняли с него поддевку с находившимися в кармане оной тремя пулями, сапоги, кузов с хлебом, экаж из холста и отняли легавую собаку, которую, привязав на веревку, ушли в лес, посему он, Иван Андреев Лисин, был спрашиван и в отобранном от него показании подтвердил вышесказанное, объясняя, что он 11 числа был пошедши из дому на охоту утром, часу в 5-м, а возвращался из лесу домой в полдни, когда еще солнце было высоко, в какое время и попались ему будто бы те грабители, по уходе которых он, отдохнув несколько времени, пошел в деревню Валовщину, до которой от того мастер расстояния три версты, пришел в оную вечером, когда солнце было уже низко и зашел в дом старосты для объявления ему о произведенном над ним грабительстве, но не застав старосты дома, пошел в село Путилово, расстоянием от деревни Валовщины не более трех верст, куда и пришел по закате солнца, явился к сотскому, объявил ему о случившемся происшествии, переночевал у него и на другой день пошел в деревню Верхнюю Шальдиху, отстоящую от Путилова в одной версте, к отцу своему. По показании же ему, Ивану Лисину, убитой при происшествии с священником Чулковым собаки, он, Лисин, показал, что собака эта очень похожа на отнятую от него неизвестными людьми, однако эта убитая собака имеет будто бы более черноты и большие уши, а у отнятой были меньше, так же, что он, Лисин, 11 июля утром по даче помещика Чулкова не проходил. Вследствие сего мастеровой Лисин был показан крестьянам Чулкова, однако они его не признали за того охотника, которого они видели поутру 11 июля на покосе, и который разговаривал с Козьмою Степановым, а по объявленным мастеровым Лисиним приметам, хотя было сделано надлежащее распоряжение к розысканию грабителей, но таковых нигде поныне не найдено, а из производства дальнейшего исследования видно, что мастеровой Лисин, после сделанного будто бы над ним ограбления, вместо того, чтобы для объявления о сем, идти в деревню Поляну, от которой он находился только в одной версте и тем ускорить розыском тех грабителей, пошел в деревню Валовщину, расстоянием в трех верстах, и видя также и по сей дороге на работах в разных местах крестьян, никому их них о происшествии сем не объявил, как равно сделал и по приходе в деревню Воловщину, где, не застав старосты оной деревни в доме, никому также не объявил, а отправился в село Путилово к сотскому. По дополнительному показанию крестьянина Козьмы Степанова, что к нему 12-го июля приходил из Новоладожского уезда двоюродный брат, вотчины помещика Сахарова, деревни Серокошки крестьянин Афанасий Васильев и давал ему, Кузьме Степанову, два рубля серебром, почему означенный Васильев чрез

Новоладожский земский суд вытребован и на спрашивание его противу показания крестьянина Козьмы Степанова учинил во всем показанном про него Степановым запирательство, и на данной со Степановым очной ставке не сознался, но потом при дополнительном на месте исследовании показал согласно с крестьянином Степановым. Крестьянин Афанасий Васильев, как по произведенному Новоладожским земским судом розысканию, оказалось, занимается иногда охотою, стрельянием дичи, но двуствольного ружья и никакой собаки для того не имеет и прежде сего не имел. На повальных обысках мастеровой Иван Андреев Лисин и крестьянин Афанасий Васильев в поведении одобрены, а о поведении крестьянина Козьмы Степанова спрошенные под присягой разных деревень крестьяне отозвались незнанием, потому что они в деревню Алексеевскую не ходят, и никакого знакомства со Степановым не имели. По всему аккуратнейше и тщательно произведенному исследованию, кроме подозрения, как выше видно, на крестьянина Козьму Степанова, по сомнительному его противу господина поведению и утаиванию имени разговаривавшего с ним поутру 11 июля на покосе охотника, на мастерового Ивана Андреева Лисина, по необъявлению им об ограблении его ни в деревне Поляны, ни работавшим на полях крестьянам и ни в деревне Валовщины, также по неявке к нему по сие время его легавой собаки, которая впоследствии, вероятно бы, ушла от грабителей и явилась к хозяину, и на крестьянина Афанасья Васильева по разноречивым его показаниям, никаких других следов или подозрений к отысканию и узнанию преступника не открылось. Затем дело это вместе с крестьянами Козьмою Степановым, Афанасьем Васильевым и мастеровым Иваном Андреевым Лисиным для дальнейшего рассмотрения и поступления по законам представлено из сего земского суда в здешний уездный суд» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 44. Л. 9–14).

На основании предписания вице-губернатора Я. С. Николева от 28 сентября 1841 г. мастеровой Лисин был взят под стражу как подозреваемый с дальнейшей передачей дела в уездный суд (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 44. Л. 19).

23 июля 1842 г. последовал очередной рапорт на имя петербургского гражданского губернатора В. А. Шереметева, уже от имени шлиссельбургского уездного исправника. В нем отмечалось: «Священник церкви Главного штаба и кавалер Алексей Егоров Чулков во вверенном мне Шлиссельбургском уезде имеет поместье — деревню Алексеевскую (Майдаухта тож), в которой по последней 8-й ревизии числятся 12 душ мужеска пола. 20 мая сего года он, Чулков, прислал в земский суд чрез почту объявление о том, что крестьяне его, как донес ему находящийся в деревне его прикащиком отставной рядовой Данилов, говорят, будто бы, что если он, Чулков, прибудет в селение, станет взыскивать с них за леность и другие поступки и будет наказывать, то они растрясут ему пузо, что теперь не прежняя пора и что мастеровой ведомства Гоф-интендантской канторы села Путилова Василий Осипов сказывал будто им, что он, Чулков, без билета в свое имение приезжать не может и в Путиловском приказе получена будто бы бумага, что они, крестьяне, должны его, Чулкова, задержать, все это по расспросам его, Чулкова, подтвердил будто бы и староста его деревни, Андрей Иванов, и о прочем. Таковое объявление Чулкова для исследования передано приставу 1-го стана, который, приступя к исследованию, допрашивал вышеупомянутого мастерового Осипова, но он ни в чем не сознался, показывая, что он даже вовсе никакого знакомства с крестьянами Чулкова не имеет, на данной же очной ставке староста Андрей Иванов объявил, что он на мастерового Осипова показал вышеписанное ложно по научению, якобы, самого господина его Чулкова. 23-го июня священник Чулков прислал в земский суд чрез почту объявление, что крестьянская его девка Матрена Петрова прежде времени 9-го июня родила мертвого младенца, и на другой день бежала с матерью, крестьянкою Домною Михайловою и объясняя при том распутное поведение девки Матрены Петровой и подозревая ее в насильственных родах, просил произвести о сем следствие, по которому не откроется ли виновник, покушавшийся в прошлом, 1841 году, на жизнь его, Чулкова, о чем тогда производилось дело. Объявление это также передано к исследованию приставу 1 стана, которым по явке

крестьянки Домны Михайловой и дочери ее в селение 4-го июля девка Матрена Петрова допрашивана и не сознаваясь ни в распутстве, ни в покушении на насильственные роды, объявила, что имела любовную связь будто бы с самим священником Чулковым и от него родила означенного мертвого младенца, и как она, Петрова, так и мать ее, Домна Михайлова, показали, что бежали из деревни в Санкт-Петербург единственно для подачи жалобы на обиды и угнетения своего господина, равно и о любовной его связи с нею, и потому по прибытии в Санкт-Петербург являлись к обер-прокурору Протасову, по приказанию которого написали им в его канцелярии прошение, потом отосланы были в Синод, из оного к обер-священнику, а от него к обер-полицмейстеру, после того им приказано идти в деревню, куда, якобы, прибудет чиновник для следствия, почему в деревню и явились. При словесных расспросах моих прочих крестьян Чулкова, равно приказчика Данилова, все они ныне жалуются на своего господина, который, якобы, поступает с ними жестоко и наказывает без причины, вынуждая объявить, кто покушался в 1841 году на жизнь его, Чулкова, о чем они не известны, так же вынуждает будто бы доносить ему разные несправедливости. Из сего я должен заключить, что есть ли точно справедливо, что Чулков с крестьянами так поступает, как они показывают, легко могут быть озлобивши на своего господина, и следует опасаться, чтобы при приезде Чулкова в деревню не произошло каких-либо несчастных последствий. Но справедливо ли крестьяне жалуются на своего господина Чулкова, неизвестно, ибо из сторонних крестьян окрестных владений никто о том не знает и до сведения моего доводимо не было» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 1–2 об.).

Одним из свидетельств самоуправства свящ. Чулкова стала жалоба упоминаемого выше приказчика Данилова петербургскому военному генерал-губернатору графу П. К. Эссену, который в циркуляре петербургскому гражданскому губернатору В. А. Шереметеву от 5 августа 1842 г. указывал: «Отставной рядовой Иван Данилов в поданном мне прошении жалуетя на священника Генерального штаба Чулкова в неудовлетворении его деньгами, обещанными ему по договору от Чулкова за присмотр за его крестьянами в деревне Алексеевке Шлиссельбургского уезда, и на то, что по домогательству его же, священника Чулкова, без причины отобраны у него, Данилова, станovým приставом паспорт его, без которого он с семейством своим не может найти себе пропитания. Означенную просьбу Данилова, препровождая к вашему высочородию, прошу вас удостовериться, в какой мере справедлива она, а между тем, истребовав от шлиссельбургского станového пристава паспорт Данилова, возвратить его просителю, буде не встретиться законных к тому препятствий, и о последующем мне донести» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 8–8 об.). В конечном итоге, как следует из рапорта шлиссельбургского земского исправника петербургскому гражданскому губернатору В. А. Шереметеву от 26 октября 1842 г., отставной рядовой Иван Данилов вместе с женой Еленой Даниловой получил срочный билет на жительство (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 29.).

В свою очередь и сам свящ. Чулков подал прошение петербургскому генерал-губернатору П. К. Эссену, в котором жаловался на самоуправство исправника, коллежского ассессора Дмитрия Осиповича Энделя, «которым он вооружает противу него крестьян его, Чулкова, что бы вынудить его продать ему оных, ибо г. Эндель неоднократно предлагал уже ему сие, просит производимое в земском суде дело, как по жалобам на него крестьян его деревни и отставного рядового Ивана Данилова, поручить окончить кому-либо из других чиновников помимо исправника Энделя, на справедливость коего он, по изъясненным в просьбе его обстоятельствам, положиться не может» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 21).

16 августа 1842 г. шлиссельбургский уездный предводитель дворянства докладывал Я. С. Николеву: «я вместе с земским исправником, прибыв 13-го текущего августа в имение священника Чулкова, лично удостоверился, что крестьяне его живут в довольстве, ни в чем недостатка не имеют, снабжены всем нужным для домашнего быта и нисколько не отягощены работой, производя ее донныне собственно только для себя, при личных же расспросах моих все они единодушно показали, что они наделены

землю в достаточном количестве, обрабатывали ее донны только для себя, отпускаются в свободное зимнее время на заработки, оброка господину никакого не платят, и только в нынешнем году употребляемы были для обработки господской пашни, на коей засеяно хлеба, всего около двух четвертей, жестокого обращения от помещика не терпели и совершенно им довольны, хотя же некоторые из них и были за проступки наказываемы, но при бытности члена земской полиции. Таковые отзывы крестьян о помещике своим и видимое мною между ими изобилие, довольство и порядок, в сравнении с тем нищенским состоянием означенных крестьян, когда они поступили во владение теперешнего помещика, ясно показывают похвальное старание и попечение владельца о благосостоянии их, и потому с моей стороны внушено и подтверждено им было, чтобы они находились у помещика в должном повиновении, а в нужном случае оказано им будет от местного начальства законное удовлетворение. Что же касается до преждевременного рождения девкою Матреною Петровою мертвого младенца, самовольно отлучкою ее из селения и о последствиях сего дела, то как о том по прошению помещика, производится уже земским судом следствие, а потому и обстоятельства того дела, как не подлежащие рассмотрению моему, оставлены мною без действия» (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 10–11).

Орденом обер-священника Главного штаба и отдельного гвардейского корпуса Николая Музовского от 10 октября 1842 г. священ. Чулков в связи с подачей на него жалоб был освобожден от служения в церкви при Генеральном штабе и исключен из гвардейского ведомства (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 41). В свою очередь, дело по жалобе Матрены Петровой по решению петербургского военного генерал-губернатора П. К. Эссена было передано в Санкт-Петербургскую духовную консисторию (ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 3. Д. 46. Л. 21 об.).

Дело было начато в Санкт-Петербургской духовной консистории 5 июля 1843 г. по обвинению священ. Чулкова крестьянской девкой Матреной Петровою в прижитии с ней ребенка, а ее матерью Домны Михайловой — в нанесении побоев. Дополнительно Матрена Петрова обвиняла священника в притеснении ее во время беременности, в частности в посадке ее в холодную баню и в острижении косы, будто бы за то, что она в прижитии ребенка не согласилась указать на другого. Также консистория рассматривала и жалобу приказчика Ивана Данилова и его жены Елены Даниловой на то, что священник, отбив петли у сундука, принадлежащего Даниловой, вынул оттуда два своих приказа, первый, «чтобы запрягать крестьян его в соху и борону, что будто бы священник Чулков делал и прежде», и второй, «о назначении священником Чулковым ему, Данилову, жалования, которого он от священника Чулкова еще ни копейки не получил, и что будто при этом пропала у него, Данилова, записка, стоящая 12 руб. ассигнациями». При проведении следствия выяснилось, что «1) Домна Михайлова, мать Петровой, была на мирской сходке наказана по приказанию священника Чулкова за недозволенную продажу огородных семян розгами, причем была объявлена ей и вина ее, нанесение же рукой священника Чулкова ей ударов ничем не подтвердилось, 2) того, чтобы священник Чулков имел любовную связь с дочерью Домны Михайловой, Матреной Петровою и прижитии с нею ребенка, не только вовсе ничем не обнаружилось, а напротив, оказалось, что означенная Матрена Петрова, избегая строго наказания от помещика своего Чулкова за развратное повеление, каковому была уже подвергнута им за подобные проступки подруга ее, крестьянская девка Палагея Федорова, всевозможно скрывала свою беременность и по обнаружении оной, будучи уже оштрафована помещиком своим, священником Чулковым трехдневным содержанием в холодной бане на хлебе и воде и острижением косы, решила на рождение уже ребенка прибегнуть к клевете на своего помещика, что доказывается тем, а, что священника Чулкова любовной связи с девкою Матреною Петровою при спросе 20 ноября 1842 г. никто, как очевидец, не подтвердил, а только крестьяне того же священника Чулкова показали, Андрей Иванов, что он в дырочку от гвоздя в дверях видел священника Чулкова, лежащего с упомянутой девкою Матреной Петровою, Дарья Иванова, что священник Чулков запирал дверь на крючок, когда бывала

у него Матрена Петрова, Пелагия Федорова и Елена Андреева, что Матрена Петрова признавалась им в любовной связи с священником Чулковым еще задолго до рождения ребенка, а также отставной рядовой Иван Данилов и жена его Елена Данилова показали, что они также замечали, как священник Чулков запирает на крючок дверь, когда бывала у него Матрена Петрова, причем Елена Данилова присовокупила, что она видела, как священник Чулков давал Матрене Петровой деньги, но из начисленных лиц 3 июля того же года отставной рядовой Иван Данилов, жена его, Елена Данилова и крестьяне Дарья Иванова и Андрей Иванов единогласно показали, что с кем Матрена Петрова прижила дитя, она решительно не знает и никого не подозревают, а Андрей Иванов присовокупил, что он подозревает в том рядового Ивана Данилова, потому что Данилов находился один с Матреною Петровой, когда жена его говела на Страстной неделе, Елена же Андреева 23 сентября того же года под присягой показала, что с кем прижила Матрена Петрова ребенка, она не знает, а подозревает ее в связях с кем-либо из крестьян деревни Шальдихи. Следовательно, показания означенных лиц, данных ими 20 ноября 1842 г., как противоречащие первым их показаниям по тому же предмету явно обнаруживают лживость и злонамеренность означенных людей и это из того явно усматривается, что Данилов и жена его тогда уже изъявили подозрение в прижитии священником Чулковым с Матреною Петровою ребенка, когда он отказал им от места, поэтому показания сии, а равно как и показания развратной девки Пелагии Федоровой решительно не имеют совершенно никакой достоверности, при том показания эти, хотя бы и не заключали в себе исчисленных недостатков, во всяком случае по силе 1198 ст. XVIII т. Св. Законов Уголовного вовсе не имеют силы доказательства, б, худое поведение девки Матрены Петровой ясно доказывается единогласным показанием под присягою, как б человек крестьян священника Чулкова, изъявивших, что Матрена Петрова пьянствовала, таскалась часто в деревню Шальдиху и за разврат была посажена в баню под арест, в мае месяце прибила мать свою, за что на сходке мать ее ругала ее потаскушкой и блядью, причем все те 6-ть человек изъявили подозрение на отставного рядового Ивана Данилова в прижитии им с Матреною Петровой ребенка на том основании, что Данилов часто ездил с нею по деревням и пьянствовал и что вообще, он был с нею в коротких связях, сверх сего и одиннадцать человек, спрошенных под присягой крестьян княгини Мещерской единогласно утвердили, что Матрена Петрова часто пьянствовала в их деревне, приезжая с отставным рядовым Иваном Даниловым и что она по общим слухам нечестная, в) скрывательство Матреною Петровой своей беременности видно из того, что она никому не объявила об оной, сознавая оную как сама показывает по остановлению месячного очищения, пока бабка, которую просила она править живот, о том не объявила, как это видно из показаний Дарьи Ивановой и Елены Даниловой, г) при чем открывается и то, что эта Матрена Петрова сильно уличается в истреблении плода, во-первых обстоятельствами, сопровождавшими роды ее, во-вторых, свидетельством уездного лекаря, который утверждая, что извержение плода вовсе не есть следствие заключения Матроны Петровой в баню, ибо это было за 40 дней до рождения ея дитяти, заключает, что обстоятельства, сопровождавшие рождение ею, Петровою, мертвого дитяти, суть следствие употребления каких-либо деятельных средств, в-третьих, показаниями 6-ти человек под присягою о том, что она говорила „моего дитяти никто не увидит“, что и действительно было ею исполнено, ибо по рождении ея дитяти мать ее, Матроны Петровой, Домна Михайлова, отнесла его сама и похоронила в таком месте, которое никому не было известно, и вслед за тем обе они бежали С.-Петербург, где и принесли жалобу господину обер-прокурору Св. Синода на господина своего, священника Чулкова, а между тем прибывший по объявлению священника Чулкова лекарь не мог сделать немедленного осмотра тому дитяти, и таковой осмотр произведен уже был вторично прибывшим лекарем в то время, когда обе они из С.-Петербурга возвратились, причем открылось, что дитя уже сгнило, 3) Извет отставного рядового Ивана Данилова на священника Чулкова, что будто последним взят у него из сундука собственный его, Чулкова, приказ о том, дабы пахать землю на крестьянах,

что и прежде священник Чулков делал, не стоит никакого вероятия, потому что священник Чулков, как показал производивший личное удостоверение 13 августа 1842 г. в имени Чулкова предводитель дворянства Шлиссельбургского уезда, улучшил быт крестьян и крестьяне им довольны, следовательно, существование такого приказа сим засвидетельствованием вовсе не подтверждается, 4) Существование другого приказа священника Чулкова Данилову о назначении жалованья тоже вовсе недостоверно, ибо из письма Данилова к священнику Чулкову от 12 июля 1842 г. видно, что Данилов у него без жалования, ибо в том письме он только еще просит о назначении ему жалования по усмотрению священника Чулкова, потому что на одном хлебе жить не согласен, каковое письмо Данилов, подтверждая делом, не стоящее внимания извороты, говоря при том, что ему было назначено определенное жалование, 5) Означенный рядовой Данилова сильно уличается в сообществе с Матреной Петровой по ее незаконным жалобам, ибо найден у него адрес к его сиятельству, обер-прокурору Святейшего Синода, графу Протасову, о котором он представил ничтожные отговорки, а равно и преждею с нею, Матреной Петровой, дружбой, как выше изложено было, 6) Наконец, Данилов и жена его показали, что они говорили крестьянам священника Чулков слышанное будто бы ими при подаче просьбы его императорскому высочеству, государю наследнику цесаревичу в Царском Селе от камердинера, что священнику владеть крестьянами нельзя, из чего видно ближайшая соприкосновенность и участие в сем деле Данилова и его жены, как возмутителей крестьян против их помещика. Сообразя все эти обстоятельства, консистория определяет: 1) священника Алексея Чулкова как невинно оклеветанного, ибо все взведенные на него поступки решительно ничем не подтвердились, на основании 1169 и 1175 ст. XV т. Св. Законов уголовных от суда и следствия освободить, разрешив ему священнослужение и исправление христианских треб, с возвращением ставленческой грамоты, причем не вменять ему в наказание невинное состояние его под судом и следствием, 2) Относительно поступков Матрены Петровой, Домны Михайловой, отставного рядового Ивана Данилова и заключающихся в напрасном оклеветании священника Чулкова пред высшим начальством и даже пред лицом Его Императорского Высочества Государя наследника цесаревича, сообщить гражданскому начальству для поступления с виновными по законам» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 1–8).

По указу Синода от 10 января 1844 г. дело было передано из духовного ведомства гражданским властям, а до завершения дела свящ. А. Чулкову было по-прежнему запрещено служение (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 11–11 об.). Дело поступило в Санкт-Петербургское губернское правление, с назначением для его слушания депутата от консистории, протоиерея Казанского собора Петра Мысловского, вместо которого непосредственно выступал священник Благовещенской церкви в Шлиссельбурге Владыкин (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 12–13 об., 28–29 об.). При этом Синод 11 апреля 1844 г. отклонил прошение священника пользоваться половиной содержания до окончания следствия (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 21–22). Сам свящ. А. Чулков проживал в то время в Санкт-Петербурге, в 4-м квартале Московской части, в доме чиновника Чадаева по Госпитальной ул., 39 (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 18). От предложения перейти на жительство в монастырь священник отказался, поскольку имел на попечении сына и племянника-сироту (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 24).

При проведении следствия Палата уголовного суда отвергла обвинения отставного рядового Ивана Данилова и его жены, напротив, действия истца подпадали под 134 ст. 15 т. Свода законов уголовных, и дело о нем было передано в 1-й департамент Шлиссельбургского уездного суда. Отдельно указывалось, что «крестьяне Кузьма Степанов, Мирон Захаров и Андрей Иванов обжалованы священником Чулковым в неповиновении ему, но в преступлении сем не сознались и впоследствии первый из них по воле господина сослан в Сибирь на поселение, второй бежал, а третий отдан в военную службу. Крестьянка же Дарья Иванова, обвиняемая в разноречивых показаниях и ворожке дачею сыну своему сушеной змеи для мнимого предохранения

от разных случаев, сверх того, подозреваемая в преподании девке Петровой средств к изгнанию плода, от суда скрылась бегством, крестьянская девка Палагея Федорова по собственному сознанию оказалась виновною в блудной связи с крестьянином Кузьмою Степановым и прижитии ребенка, за что наказана розгами станovým приставом Кузьминым, вопреки 781 ст. 15 тома Законов Уголовных, по силе коей подобное преступление подлежит судебному рассмотрению и наказывается тюремным содержанием и церковным покаянием. Крестьяне князя Мещерского, Иван Петров, Павел Жуков, Дмитрий Харламов, Кирил Яковлев и мастеровой Гоф-интендантского ведомства Иван Лисин обвиняются священником Чулковым в блудодеянии с девкою Петровой, но к избличению их юридических доказательств не обнаружено и сама Петрова не оговаривает их, утверждая, что кроме священника Чулкова, ни с кем другим связи не имела, и наконец, священник Чулков изъявил сомнение на бывшего исправника Энделя в наставлении девку Петрову к неосновательным жалобам и в основании сего приводил донесение его, Энделя, о приносимых будто бы крестьянами жалобах на жестокое обращение его, Чулкова, тогда как предводителем дворянства обнаружено совершенно противное, сверх того, он, Эндель, для поддержания такового доноса употреблял рядового Данилова к возмущению крестьян против его, Чулкова и, преступя границы своей власти, дал старосте приказ отнюдь не препятствовать Данилову проживать в деревне его, Чулкова, и давать ему с семейством хлеб, но таковой извет Чулкова в отношении возмущения крестьян и научения девку Петрову жаловаться на его, Чулкова, по следствию совершенно ничем не подтвердился, ибо ни сама Петрова, ни другие крестьяне, ни рядовой Данилов о том не показали, а в даче приказа не представляется в виду никакой вины Энделя, потому, что поводом к тому как значится и в самом приказе, служило ожидание уездного предводителя, которому при учинении розыскания относительно обращения Чулкова с крестьянами мог быть нужен Данилов, как управляющий над крестьянами, а притом и самое розыскание предводителя послужило к его, Чулкова, оправданию». В конечном счете, Палатой уголовного суда священник Чулков был оправдан по обвинению в любовной связи с девкой Матреной Петровой, Домна Михайлова к тому времени уже умерла, а двухлетнее тюремное содержание Матрены Петровой было заменено на выдачу своему господину, «обязав его подпискою, дабы без ведома полиции ни в каком случае не наказывал ее», а за развратное поведение девка Петрова была присуждена к церковному покаянию. Жалоба отставного рядового Ивана Данилова и его жены была отклонена. Крестьянская девка Пелагея Федорова за прижитие младенца и наказание розгами была освобождена от тюремного заключения и передана к церковному покаянию. Жалоба священника Чулкова на исправника Энделя была отклонена, а его же жалоба на крестьян за блуд с крестьянкой Петровой была передана в уездный суд» (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 33–40 об.).

При этом сам иерей Чулков, проживавший в 4-м квартале Московской части в доме купца Пантелеева по Госпитальной ул., 26, подал 29 мая 1845 г. прошение на высочайшее имя об отмене решения Палаты уголовного суда и переносе дела в Сенат, а также о возвращении ему суммы половинного жалования за 1842–1845 гг. от годового жалования в 1200 руб. как священника церкви Генерального штаба, однако в последнем ему из духовной консистории решением от 27 апреля 1845 г. было отказано. Повторные прошения свящ. Чулкова на высочайшее имя от 1 мая 1845 г. и 21 марта 1846 г. также были отклонены (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 49–51 об., 56–57).

По указам Правительствующего Сената и Святейшего Синода дело было возвращено в Санкт-Петербургскую палату уголовного суда для сбора дополнительных сведений, с дальнейшей передачей дела в Шлиссельбургский уездный суд. Уездный суд 13 февраля 1848 г. сообщал в консисторию о своем мнении, в котором подтверждалась невиновность свящ. Алексея Чулкова по обвинению в любовной связи, освобождение крестьянской девки Петровой от заключения, «а за самовольную отлучку из вотчины и подачу несправедливой на помещика своего жалобы, в каковых действиях ее заключается совокупность преступлений, на основании 156, 1181 и 1909 ст. Уложения

наказать розгами пятьюдесятью ударами, т.е. в высшей мере и отдать помещику», за прелюбодеяние предать ее духовному суду, взыскать с нее судебные издержки, подтвердить приговоры крестьянам Кузьме Степанову, Мирону Захарову и Андрею Иванову, освободить от ответственности крестьян, подозреваемых священ. Чулковым в любовной связи с крестьянкой Петровой, равно и других крестьян, а также не привлекать к суду бывшего исправника Энделя. Отдельным заключением крестьянская девка Петрова по завершении церковного покаяния должна была быть отправлена в Сибирь на поселение (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 71–76).

Решением консистории от 23 сентября 1848 г. священ. А. Чулкову, как полностью оправданному, было разрешено служение и исправление христианских треб (РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Д. 797. Л. 67). Вопрос же о восстановлении его в должности священника церкви Главного штаба был передан на рассмотрение Святейшего Синода. 21 апреля 1849 г. священ. Алексей Чулков находился на исповеди у епархиального духовника иеромонаха Александро-Невской лавры Серафима и по ее итогам был призван к служению с возращением ставленнической грамоты (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 34. Д. 210. Л. 146, 152). Однако громкий скандал не позволил вернуться к прежней должности. О. Алексей Чулков по прошению был переведен в епархиальное ведомство и фактически находился за штатом, удалившись в свое имение.

Очередное дело против священ. Чулкова было заведено циркуляром министра внутренних дел С. С. Ланского петербургскому генерал-губернатору П. Н. Игнатьеву 5 ноября 1856 г. В циркуляре указывалось: «проживающий в Шлиссельбургском уезде священник Алексей Чулков, владея деревнею Алексеевкой близ села Путилова и станции Шельдихи, заключающей в себя не более шести крестьянских семейств, обходился с ними жестоко и известен окрестным жителям безнравственностью и нетрезвым своим поведением, и что даже сделано было покушение на жизнь его, о чем местным начальством производится розыскание», для чего губернатору поручалось начать следствие (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 105–105 об.).

Командированный на место чиновник особых поручений Могилатов, опросив местных крестьян, сделал 17 ноября 1856 г. следующие выводы: «1) священник Чулков обходится со своими крестьянами жестоко и особенно с теми из них, которые по побеге возвращаются ему земской полицией, так например, крестьянин Андрей Матвеев, приведенный из бегов в нынешнем году, содержится будто бы в железном ошейнике, от которого железная цепь прикована к деревянной скамейке весом около 2 пудов, и в таком положении он, Матвеев, производит все работы и свои естественные потребности, 2) священник Чулков будто бы имеет связь с проживающей у него в имении посторонней женщиной, которая в этом году и имела от него ребенка, и 3) покушение на жизнь Чулкова действительно было сделано назад тому лет 7 или более, о чем и производилось местным начальством следствие, но чем оно кончилось, окольным жителям неизвестно» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 108–109 об.).

Начавшееся в ноябре 1856 г. следствие по злоупотреблению помещицьею властью священ. Чулковым неоднократно останавливалось по причине неполучения сведений от шлиссельбургского уездного предводителя дворянства и иных местных учреждений (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 117–119 об.). Петербургскому военному генерал-губернатору петербургский гражданский губернатор Н. М. Смирнов докладывал 22 апреля 1857 г.: «1) Все крестьяне Чулкова обоих полов, в числе 11 душ, спрошенные порознь, в присутствии депутата с духовной стороны, единогласно показали: а), что Чулков обращается с ними не жестоко, излишними работами не отягощает, земли и прочих угодьев дает достаточно и вообще, они управлением его довольны, и б), одновотчинного с ними крестьянина Андрея Матвеева, делавшего неоднократно побег и содержавшегося за то в тюрьме, Чулков за побег наказывал сильно розгами, четырьмястами ударами, и приковывал к стулу цепью, надетою на шею, в каком положении Матвеев оставался три недели, и потом сдан был в солдаты. 2) Чулков на предложенные ему при следствии по сему предмету вопросы объяснил, что он с крестьянами своими обходится коротко, в чем сослался на их самих, а касательно Андрея Матвеева

отвечал, что он его за дурное поведение наказывал розгами, но не так сильно, как показали крестьяне о том, а в предубеждение побега приковывал цепью к стене и стулу. 3) При осмотре состояния и вообще быта крестьян оказалось, что они живут в прекрасных избах, имеют много хлеба, по нескольку лошадей и коров, одеты хорошо и сообразно времени года, одним словом, крестьяне Чулкова находятся в хорошем положении и живут не только достаточно, но и с избытком и 4) Шлиссельбургский уездный предводитель дворянства доставил к следствию сведения, что Чулков вел себя до настоящего времени прилично своему сану, что он хорошо ведет свое хозяйство и о жестоком обращении его с своими крестьянами никогда до сведения его, предводителя, не доходило. Что же касается до любовной будто бы связи Чулкова с какой-то неизвестной женщиной, с которой он прижил ребенка, то это обстоятельство по дознанию следователя не подтвердилось — в имении Чулкова действительно некоторое время проживала иностранка Марья Егорова с отцом своим, но она еще до следствия оттуда выбыла в Санкт-Петербург».

Тем не менее, за суровое обращение с крестьянами, приковывание к стене, что было запрещено законами, вопрос о судьбе свящ. А. Чулкова был передан на рассмотрение предводителя дворянства и депутатов, а также был поставлен вопрос о назначении опеки над имением (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 123–124 об.; Ф. 536. Оп. 4. Д. 970. Л. 1–3). В свою очередь сам иерей А. Чулков подал жалобу на имя министра внутренних дел о неправильных действиях должностных лиц во время ведения следствия (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 126–127 об.). После разбора действий свящ. Чулкова депутатами местного собрания (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 970. Л. 4–5 об.) и рапорта шлиссельбургского уездного предводителя дворянства и земского исправника о том, что «священник Чулков жестоко обращается с своими крестьянами и наказывает их почти ежедневно сверх меры, о чем исправник лично удостоверился из-под руки» (ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 970. Л. 12), петербургский военный генерал-губернатор сообщал 27 июля 1857 г. в Синод, что священник должен предстать перед судом, поскольку характер его действий чрезмерно жестокий и может дать повод к соблазну для других. «Чулков не только убежден в праве обращаться с своими крестьянами таким жестоким образом, как видно из вышеприведенного отзыва его следователю о держании крестьянина Матвеева прикованным цепью к стулу. Священник этот сделанное распоряжение о производительности расследования об его поступках принял с ожесточением и строптивостью» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 138–141 об.). В связи с подобными обвинениями свящ. Чулков распоряжением митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Григория от 31 декабря 1858 г. был помещен в Коневский монастырь впредь до окончания дела (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 159).

На основании обращения петербургского военного генерал-губернатора от 4 января 1859 г. на высочайшее имя свящ. Чулков должен был быть доставлен в Коневский монастырь с жандармами, «с тем, чтобы за ним учрежден был там строгий местный надзор». Дополнительно указывалось, что в связи с назначением над его имением опеки «за сим священник Чулков, не имея права проживать в своем имении, прибыл в недавнее время в С.-Петербург, где начал писать анонимные письма, по содержанию своему крайне дерзкие и несовместимые с его священническим саном». По предложению митрополита свящ. А. Чулков был временно направлен в Александро-Невскую лавру с дальнейшей отправкой в Коневский монастырь, «но сегодня митрополит сообщил мне, что Чулков оказывает совершенное упорство исполнить настоящее требование» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 163–163 об.).

В конечном итоге иерей Чулков был доставлен в Коневский Рождественский монастырь 5 января 1859 г., откуда отправил прошение на имя митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского следующего содержания: «Января 4 дня сего 1859 года неизвестно мне, по чьему распоряжению и за что взят я в келии эконома Александроневской лавры С.-Петербургского жандармского дивизиона поручиком Мальшкиным и привезен в Коневский монастырь 5 января пополудни, где мне также

не объявлена причина такового арестования меня. Проходя 45 летнюю мою службу и 70 летнюю жизнь безукоризненно, терпя иногда от наветов и клеветы злых людей, наказанных за то, ныне не имея сил и терпения перенести позор этот без объявления мне вины моей и без сознания моего в ней, я покорнейше прошу сложить с меня сан священника и дворянина и деревню мою предоставляю в вечное владение любезному сыну моему, коллежскому асессору Михаилу Алексеевичу Чулкову. Такому желанию 70-летнего старца, походом утратившего здоровье и уже почти лишившемуся зрения, даруется радость умереть в объятиях сына его честным в первобытном состоянии человеком, а не опозоренным священником и дворянином без объявления ему вины, которая оправдывала бы меру такого позора с отнятием средств к оправданию чести, сана и достоинства...» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 188 об.–189).

Указом Санкт-Петербургской дворянской опеки от 24 февраля 1859 г. Шлиссельбургская уездная дворянская опека должна была взять имение свящ. А. Чулкова в деревне Алексеевке Шлиссельбургского уезда под опеку (ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13143. Л. 1–1 об.). Одновременно с этим проверялось наличие каких-либо земельных владений свящ. А. Чулкова в других уездах, но таковых не оказалось (ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 13143. Л. 3). При этом в рапорте петербургского военного генерал-губернатора в Правительствующий Сенат от 4 января 1859 г. указывалось, что следствием было установлено, «что 1) в деревне Чулкова произошел пожар, от которого сгорел господский дом и сам помещик, как частным образом известно, едва успел спастись, в поджоге этом помещиком сильно подозревается крестьянин его Егор Богданов, 2) что по окончании помянутого исследования Чулков стал вообще жестоко обращаться со своими крестьянами, наказывая их сверх меры, в чем шлиссельбургский земский исправник лично удостоверился» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 168–168 об.).

Из материалов следственного дела, представленного гражданским губернатором петербургскому военному генерал-губернатору 13 марта 1859 г., следует: «Шлиссельбургский помещик, заштатный священник Чулков, помещенный впредь до окончания дела о нем в Коневский монастырь Выборгской губернии 70 лет от роду, вдов, имеет сына 37 лет, состоял прежде на службе при церкви Главного штаба и в разное время был награжден скуфьей, камилавкой, орденом Св. Анны 3-й ст. и тремя денежными высочайшими наградами. 20 лет тому назад он приобрел покупкой с публичных торгов населенное имение помещика Антонова, дер. Алексеевку, находящееся за селом Путиловым, между деревнями Валовщиной, Замощьем, Каменкой и Александровкой. При этой деревне в настоящее время состоят 16 человек, а именно: крестьянин Евдоким Степанов, 38 лет, его жена Елена Андреева, 36 лет, сын их Макар Евдокимов, малолетний, Егор Иванов, 44 лет, жена его Екатерина Потапова, 37 лет, Фома Иванов, 35 лет, Иван Иванов, 26 лет, Родион Федоров Шаров, 39 лет, Егор Богданов, 27 лет (находится в бегах), жена его Ульяна Иванова, 37 лет, Иван Иванов, 26 лет, вдова Анна Иванова, 38 лет, девушки Пелагея Федорова, 30 лет, Елена Иванова, 27 лет, крестьянка Марья Иванова, 21 года, крестьянка Степанида Никифорова, 80 лет и муж ее Федор Иванов, находится в бегах лет 20-ть. Кроме того, Чулковым в 1856 году сдан в рекруты крестьянин Андрей Матвеев. По справке в делах земского суда оказалось, что о священнике Чулкове были в производстве следующие дела: 1) в 1841 г. о выстреле, произведенном с целью убить его, в чем падало подозрение на Кузьму Степанова, который в том не сознался, 2) по жалобе в 1842 г. крепостной девки Матрены Петровой о незаконной с нею связи ее владельца, в чем Чулков по решению Палаты уголовного суда и Святейшего Синода виновным не признан, 3) по жалобе самого Чулкова на действия земской полиции по объявлению умершего шлиссельбургского мещанина Карпа Изотова, оставленной губернским правлением без уважения, 4) в 1855 г. о причинении Чулковым побоев крестьянину Родиону Шарову, 5) о рождении крестьянкой Еленой Ивановой незаконнорожденного младенца женского пола, который остался до сего времени неокрещенным, 6) о сгоревших 27 июня 1857 г. двух домах помещика Чулкова и крестьянина Степанова, о погибших при том малолетних, двух

дочерях его и о побеге подозреваемого в поджоге дома Чулкова крестьянина Егора Богданова. В 1857 г. в конце февраля месяца чиновником особых при мне поручений Немчиновым производилось следствие о жестоком обращении Чулкова с крестьянами. При рассмотрении этого следствия предводители и депутаты постановлением 18 и 23 мая 1857 г. определили: просить губернского предводителя дворянства ходатайствовать перед правительством о преследовании Чулкова за противозаконный поступок с крестьянином Матвеевым уголовным порядком, а между тем поручить уездному предводителю иметь неослабное наблюдение за обращением Чулкова с крестьянами. Вследствие вновь полученных донесений о жестоком обращении священника Чулкова и о чрезмерном наказании им крестьян, в конце минувшего 1858 года над ним вновь назначено следствие. При осмотре следователями крестьянского быта помещика Чулкова оказалось, что при деревне Алексеевке состоит 125 десятин земли, из коей половина в пользовании крестьян, составляющих пять тягол. На каждое тягло имеется достаточное количество лошадей и рогатого скота и высевается ржи 1 ½ четверти, овса пять кулей, сена накашивают до 10 возов, остальное пропитание и уплату казенных податей крестьяне добывают в зимнее время вывозкой плиты. Крестьянские избы с надворными строениями в исправности, один только крестьянин Евдоким Степанов не отстроился после пожара и живет в избе беглого Егора Богданова. Домашней утвари крестьяне имеют достаточно и вообще, они не в бедном состоянии, но на вид крайне изнурены, преимущественно женщины, и вообще убиты духом.

Крестьяне деревни Алексеевки, опрошенные порознь, показали, что их избы выстроены из купленного ими самими леса без всякой помощи со стороны Чулкова, который из лесу на собственные их постройки не дает вырубить ни одной жердины. В летнее время помещик выгоняет их ежедневно на свои полевые работы, так что они едва успевают запахивать собственные поля свои, на что и причтется дней 18 в лето. Господского сена накашивают они 11 стогов, по сту и более пудов каждый, свой же сенокос исправляют уже в то время, когда падает с деревьев лист, или когда помещик заметит приближение дождя и вообще неудобной для покоса погоды. Зимой каждое тягло должно вырубить и вывезти на кружало по десяти сажень длинных дров, весной собирать и свозить в кучи оставшиеся от этих дров сучья. Лошади крестьянские куплены Чулковым, но они преимущественно употреблялись на его же работы, сбруи Чулков не покупал, телеги в деревне всего три, плотничный и столярный инструмент хранится у Чулкова и употребляется на его же поделки. Вообще по удостоверению крестьян безбедным своим существованием они единственно обязаны вольной возке плиты, за которую получают значительную плату от Путиловских подрядчиков.

В домашнем быту за всякую малейшую неосторожность Чулков жестоко их наказывает палкой, кулаками и розгами. Крестьянина Евдокима Степанова за то, что принес для грибов корзину, а не решето, сек розгами с час времени. Елену Андрееву бил неоднократно очень жестоко и без всякой вины, за косы и пинками ног, а однажды, имея в руках табакерку, выбил во рту у ней много коренных зубов, знаки от сих побоев остались у ней и до сего времени, в чем следователи лично удостоверились. Егору Иванову во время побоев выбил изо рта три зуба, в чем следователи лично удостоверились. Екатерину Потапову за то, что коровы разрыли сено на господском скотном дворе, беременную бил кулаками и палками до того, что она слегла и родила 18 сентября 1847 г. мертвого младенца мужеска пола. Родиона Шарова Чулков однажды ударил в сердцах по спине обухом топора так сильно, что у него и теперь еще болит спина, особенно к ненастной погоде. Марию Иванову за поздний приход из церкви запер зимой в холодную баню и никогда не отпускал гостить к матери ее, крестьянке г. Барщева, деревни Новой, Анне Андреевой. У Анны Ивановой за то, что не дала проживавшей у Чулкова немке холста на рубаху, отнял все движимое имущество и в декабре 1858 г. отобрал двухлетнего бычка. Ульяну Иванову Чулков жестоко бил в продолжении двух недель, выпытывая от нее о том, где находится ее муж, Егор Богданов. Елену Иванову бил очень часто и очень жестоко. Крестьянина Матвея Андреева, сданного в 1840 г. в рекруты, запрягал в соху и пахал землю за то, что лошадь его

от барских работ была заморена. Степанида Никифорова показала, что муж ее Федор Иванов бежал 20 лет тому назад и пропал без вести. Но особенно жестоко поступил священник Чулков с крестьянами Андреем Матвеевым и Егором Богдановым, которые после побегов были возвращены ему земской полицией.

Крестьянин Андрей Матвеев, 21 года, вел жизнь нетрезвую, делал покражи и вообще был поведения дурного, побегу он делал неоднократно. По присылке его приставом 1 стана в деревню Чулков наказал его розгами, как показывают крестьяне, 400 ударами, потом, чтобы сделать ему невозможным побег, приказал кузнецу, государственному крестьянину Матвею Иванову сковать железный с четырьмя гвоздями ошейник, надел его с цепью на Матвеева, приковывая цепь днем к небольшому березовому обручку, а на ночь прикрепляя цепь к стене. В таком положении Матвеев находился три недели и потом, 14 декабря 1856 г. сдан в рекруты. По приводе ж из бегов крестьянина Егора Богданова на другой день Михайлова дня 1856 г. (9 ноября) Чулков приказал своим крестьянам наказывать его розгами. Наказание производилось в собственной его избе, для чего Богданова привязали веревками к скамье и все крестьяне по очереди секли его сначала хлыстами из лозы, а потом розгами, причем и сам Чулков, подходя к скамье, бил его палкой, а также и крестьян, ежели они старались легче наносить удары Егору. Наказание было начато утром и с большей расстановкой продолжалось до позднего обеда, отчего на спине его тело было избито до костей и кровь лилась как из зарезанной скотины и был Богданов в бесчувственном состоянии. В числе наказывавших находился и Андрей Матвеев с цепью на шее. Когда Богданов пришел в чувство, то по приказанию Чулкова староста Евдоким Степанов надел ему на ногу колодку, на шею железный ошейник, цепь же, прикованная к обручку, осталась на Андрее Матвееве. Ошейник этот был снимаем с Богданова, когда он от болезни был при смерти, а как только он начал поправляться, то Чулков опять надел на него ошейник и колодку и не снимал их месяца полтора. Поправившись к Крещению 1857 г., Богданов в ошейнике исправлял домашние работы, а к Масляной неделе занимался вместе с другими крестьянами Чулкова возкой плиты для Путиловских подрядчиков и жил в деревне Савиновке, сначала в избе своей матери, Екатерины Андреевой, а потом у крестьянки Хавроньи Яковлевой. О том, что наказание Богданова было действительно произведено так жестоко, как выше объяснено, показали жена Богданова, Ульяна Иванова, староста Евдоким Степанов, Родион Шаров и все прочие крестьяне Чулкова, бывшие свидетелями наказания. Болезненное состояние Егора Богданова видели крестьяне деревни Старой Мельницы помещика Василевского и деревни Савиновой г. Смирновых.

Крестьянин Яков Иванов, 33 лет под присягой показал, что, проходя зимой 1856/57 года по обязанности коновала по деревням, он зашел в деревню Алексеевку к крестьянину Егору Иванову и узнавши от него, что Егор Богданов болен, заходил к нему и видел его лежащим на соломе, на боку, в одной рубашке без штанов, на голой ноге надета была деревянная колодка, а на шее кольцо с тупыми спицами. Рубашка на Богданове была вся от крови черная, поднявши ее, он увидел спину Богданова, от шеи до пяток избитою в клочки, во многих местах она гноилась, шла кровь. На вопрос Якова Иванова «как ты стерпел это наказание», Богданов отвечал, что он и не крикнул, когда же свесил при наказании голову, то Чулков поднял ее палкой и увидавши, что он, Богданов, еще глядит, закричал мужиком: «валяйте, у него еще глаза светлые». В другой раз, когда случилось Якову Иванову бывать в деревне Алексеевке, он видал баб и крестьян Чулкова с подбитыми лицами, а Андрея Матвеева, сданного в солдаты, видал лежащего на печи с цепью на шее, другой конец которой был прикован к толстому деревянному стулу, стоявшему на полу.

Крестьянка Хавронья Яковлева под присягой показала, что в 1857 году перед Масляной неделей крестьянин Егор Богданов во время возки плиты для Путиловского мастерского Ульянова квартировал в ее доме. Он жаловался на нездоровье и когда она спросила, что у него, он говорил, что помещик Чулков больно побил его и болит спина и поджилки на ногах, так что ходить не может, а потому она просила его

показать ей спину, и, поднявши рубаху, увидела, что спина Богданова, начиная от шеи, вся в ранах, загноившись. При этом Богданов часто кашлял и харкал кровью, и сказал ей, что на возку плиты прогнал его Чулков, без чего он большой никак бы не поехал, и будто бы Чулков запретил ему, кроме хлеба и воды, ничего не есть. И действительно, она, Хавронья Яковлева, видела, что во все время квартирования Богданова у ней, он ничего, кроме хлеба, воды и кислой капусты, не ел, так что она иногда из жалости давала ему молока.

Крестьяне Степан Родионов и Иван Кузьмин под присягою показали, что они, замечая во время возки плиты, что Егор Богданов постоянно сидел на возу и был лицом как бы больной, спрашивали у него тому причину, на что Богданов объяснил, что от наказания его помещиком Чулковым у него раны под коленками на ногах, так что он с трудом может ходить. Мать Егора Богданова, Екатерина Андреева, 54 лет, крестьянка г. Смирновых, деревни Савиновой показала, что сын ее принадлежит помещику Чулкову и жил в деревне Алексеевке, до покупки которой Чулковым она его часто навещала, при Чулкове пускали ее к сыну реже, а наконец и совсем запретили ходить в Алексеевку, почему она, хотя и слышала о причиненном Чулковым наказании ее сыну, но видеть него не могла до приезда его в деревню Савинову в 1857 году перед Масленицей. Чулковым запрещено ему было жить у матери и он стал на квартиру к Хавронье Яковлевой, но однако она, мать, виделась с ним и, найдя его больным, осматривала у него избитое тело и видела всю спину, от шеи до пяток в гнойных ранах, причем Богданов был слаб и с трудом мог ходить.

При следствии крестьяне Чулкова представили: а) железный разгибающийся ошейник с четырьмя тупыми спицами, по два вершка каждая, весом 2 фунта 6 золотников, б) деревянную колодку с круглым прорезом в середине, в) железную цепь длиной 12 четвертей и весом 3 $\frac{1}{4}$ фунта и д) две палки, черного дерева и березовую с железным наконечником и при том объяснили, что в этом самом ошейнике, колодке и цепи содержались крестьяне Матвеев и Богданов, а палками Чулков бил крестьян.

Священник Чулков, когда ему были предъявлены взятые к следствию орудия и вычитаны показания крестьян, письменно отозвался, что предъявленные вещи принадлежат ему, кольцо сделано года три тому назад по его заказу для надевания на шею крестьянину в случае важных проступков, но так как проступков этих не было, то кольцо оставалось без употребления, а цепь с деревянным обрубок и колодка были надеваемы только на Андрея Матвеева, на Егора Богданова была надета на ногу колодка в течение двух дней. Палки употреблялись одна для корчевания земли, а другая как костыль, но ими он никогда крестьян своих не бил. Богданова он за побег наказывал розгами и наказал достаточно, но не до бесчувственности и не до обнажения костей и наказание продолжалось не более получаса времени. Во всех прочих обвинениях Чулков также не сознался и объявил, что не в состоянии отправиться из Коневского монастыря для очных ставок с крестьянами по причине преклонных лет и болезни, прося при священническом увещании предъявить крестьянам его ответы с тем, что если по ходу следствия встретится надобность спросить кого-либо из свидетелей под присягой, то таковых к означенному вопросу он допускает.

Крестьяне Чулкова остались при прежних своих показаниях, данных ими 23 января 1859 г., добавив, что у крестьянской их девки Елены Ивановой незаконнорожденная дочь двух лет остается не окрещенной по настоянию Чулкова окрестить ее в лютеранство, вопреки желания матери и несогласия местного пастора.

При медицинском освидетельствовании крестьян Егора Иванова, Родиона Федорова и крестьянской жены Елены Андреевой оказалось: у Егора Иванова в левую челюсти нет трех, а в правой четырех зубов, болевых признаков на теле Федорова не замечено, а у Елены Андреевой на левой щеке против нижней челюсти оказался небольшой шрам и во рту в той же челюсти нет коренных зубов.

Местные священники села Путилова поведение Чулкова одобрили, а об образе управления его крестьянами своими отозвались незнанием. Такого же рода отзыв дал и ближайший помещик Арцыбашев.

Спрошенные по приводе на пред к присяге, 28 человек окольных жителей показали, что в пьяном виде Чулкова они не видели, свидетелями обращения его с своими крестьянами и деланных им наказаний не были, а от них слышали жалобы на жестокость Чулкова, частые его побои, а также будто бы одного из крестьян своих Чулков запрягал в соху и вместо лошади пахал им землю. Шестеро видели крестьян Чулкова с синими пятнами на лицах от побоев. Все спрошенные удостоверяют, что крестьяне Чулкова целое лето работают на помещика и покос свой убирают в сентябре месяце, когда с деревьев падает лист.

Крестьянка Авдотья Петрова под присягой показала, что в 1858 году, проходя мимо дома Чулкова и услышав в саду его необыкновенный крик, она посмотрела в сад и видела священника Чулкова, который бил какую-то женщину, а проходя потом по деревне, от крестьянки Елены Андреевой узнала, что Чулков бил беременную Екатерину, которая вскоре затем выкинула мертвого ребенка. В дополнение к сему местный пастор доставил сведение, что крестьянка Чулкова, Екатерина Потапова 18 сентября 1857 г. родила мертвого младенца, который предан земле 21 числа того же месяца» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 175–202).

Для проведения следствия приказом генерал-губернатора от 21 марта 1859 г. к свящ. Чулкову в Коневский монастырь был командирован чиновник с уездным стряпчим (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 221–222). Опека над именем свящ. А. Чулкова была передана члену Шлиссельбургской дворянской опеки титулярному советнику Федорову (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 223–223 об.). В свою очередь, в записке, поданной настоятелю Коневского монастыря свящ. Чулковым, открыто указывалось: «нахожу несправедливо и крайне пристрастно возведены на меня Санкт-Петербургским военным генерал-губернатором Игнатьевым обвинения, основанные на ложном донесении министру внутренних дел, и на таком же ложном и даже небывалом предварительном дознании», отмечая, что он обходится с крестьянами крайне кротко и миролюбиво, а само следствие основано на ложных доносах крестьян и земской полиции (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 230–241).

Дело о свящ. Чулкове было закончено в производстве Шлиссельбургского уездного суда 29 марта 1860 г. и представлено на ревизию в Санкт-Петербургскую палату уголовного суда 18 апреля того же года. После решения Палаты 16 мая 1860 г. дело было препровождено петербургскому гражданскому губернатору для представления в Правительствующий Сенат, куда поступило 9 июня 1860 г. 12 марта 1861 г. дело было внесено на рассмотрение Государственного совета (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 257, 259, 264, 267).

Правительствующий Сенат указом № 3937 дал знать Уголовной палате для немедленного исполнения: «1) что управляющий Министерством юстиции при предложении за № 3758 представил в Правительствующий Сенат список с мнения Государственного совета следующего содержания: Государственный совет в департаменте гражданских и духовных дел по рассмотрении определения Правительствующего Сената, 5-го департамента о шлиссельбургском помещике, заштатном священнике Алексее Чулкове (70 лет), признав его по свидетельским показаниям, уликам и другим обстоятельствам дела виновным в жестоких с крестьянами обращении, соединенного с нанесением тяжких, подвергающих жизнь опасности, побоев и истязаний, мнением положил: утвердить по настоящему делу заключение Правительствующего Сената и вследствие сего: священника Алексея Чулкова, лишив всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, в том числе дворянского достоинства, священнического сана, имеющегося у него ордена Св. Анны 3-й степени и других отличий, сослать на житье в Енисейскую губернию, с воспрещением в продолжении двух с половиной лет всякой отлучки из места, которое будет назначено для его жительства, и в течение девяти лет выезда потом оттуда в другие губернии и области Сибири. Подписал председательствующий Государственного совета, граф Д. Бестужев. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано: „Быть посему“. В Петергофе, 4-го июля 1861 г., 2) в вышеозначенном

предложении управляющий Министерством юстиции изъяснил, что прежде исполнения сего мнения Государственного совета следует доставить Чулкова, обретающегося в Коневском монастыре, как отозвалась обер-прокурор Святейшего Синода, к Санкт-Петербургскому епархиальному начальству для снятия с сего подсудимого священнического сана и 3) относительно же населенного имения Чулкова решение Правительствующего Сената заключено оставить таковое в опекуновском управлении» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 1–3). Священник Чулков должен был быть выслан Выборгским губернатором из Коневского монастыря в Палату уголовного суда для объявления приговора и доставлен в губернское правление для «дальнейшего с ним поступления» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 4–6 об.).

Несмотря на прекращение сообщения по Ладожскому озеру с Коневским монастырем, по установлении льда на озере священник будет доставлен в столицу в сопровождении вице-ленсмана Виролайна и немдемана Пяйвялайна, где 12 января 1862 г. ему объявят высочайшую волю, а он будет отправлен в тюрьму (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 11–12 об.).

При этом в письме из Министерства юстиции петербургскому военному генерал-губернатору от 12 января 1862 г. указывалось: «Священник Чулков за жестокое обращение с своими крестьянами, по Высочайшему повелению, лишен всех прав состояния с назначением выслать в Енисейскую губернию. Сын священника Чулкова, коллежский ассессор Чулков, скорбя о несчастье своего отца, осмеливается покорнейше просить Вашу светлость об исходатайствовании вместо высылки его в Енисейскую губернию поместить в один из монастырей, где бы он мог последние дни своей жизни провести в молитве. Божие провидение взыскало уже священника Чулкова: он лишился зрения и достиг 75 лет. При столь глубокой старости и слепоте отправление его в отдаленный край не только затруднительно, но и послужило бы для него жестоким наказанием, превышающим меру физических и нравственных сил» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 279–279 об.).

Отношение было передано в Синод, который 14 декабря 1862 г. в ответе петербургскому военному генерал-губернатору указывал: «Чулков во время пребывания в монастыре никогда не посещал церкви, уклонялся от исполнения христианских обрядов и обнаруживал строптивый и беспокойный нрав, Святейший Синод не считает возможным принять Чулкова, не имеющего священнического призвания к монашеству, в какой бы то ни было монастырь, так как помещение в монастыри преступников, могущих нарушать мир и спокойствие монашествующей братии и производить соблазн противоречило бы их назначению» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 291–292).

Священник Чулков оставался в тюрьме, откуда из-за «ломотной лихорадки» 17 января 1862 г. он был направлен в больницу Тюремного замка (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 13–15). На 22 или 24 января 1862 г. уже было назначено лишение Алексея Чулкова священнического сана, однако решением петербургского военного генерал-губернатора графа А. А. Суворова-Рымникского, князя Итальянского, от 23 января 1862 г. процесс высылки свящ. Чулкова в Енисейскую губернию был приостановлен «впредь до особого распоряжения» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 18).

Из свидетельства Санкт-Петербургского физиката от 9 марта 1862 г. следовало, что содержащийся в тюремном лазарете свящ. Алексей Чулков, «около 73 лет от роду, телосложения крепкого, найден в настоящее время во всем здоровым и довольно бодрым, исключая только того, что он на оба глаза слеп по причине развившихся внутренних бельмах на обоих глазах», почему он мог быть доставлен в консисторию, но с экипажем и провожатым (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 22–22 об.). По снятии сана в консистории 20 апреля 1862 г. Чулкову было объявлено, что он «не имеет от сего времени права именоваться священником, употреблять одежды, присвоенной духовным лицам, священнодействовать и преподавать священническое благословение, грамоты диаконскую и священническую, но Чулков от дачи вышеозначенной подписки, считая себя несправедливо обвиненным, отказался, объяснив при этом, что грамоты

его находятся при сыне, коллежском ассессоре Михаиле Алексееве Чулкове, состоящем на службе в канцелярии петербургского военного генерал-губернатора», после чего обвиняемый был препровожден в тюрьму (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 28–28 об.).

Из статейного списка о ссылаемом на житье из Пересыльской тюрьмы Алексее Чулкове от 15 января 1863 г. следует: «Алексей Чулков, бывший заштатный священник, 72 года, православного вероисповедания. Рост 2 аршина, 4 вершка, волосы седые, бакенбарды по два, брови седые, глаза серые, нос и уши уширенные, многих зубов нет, подбородок круглый, лицо чистое. Особые приметы: дурно видит. Вдов. Распоряжение об отправке сделано в Тобольский приказ» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 52–53). Осужденного предполагалось направить по Николаевской железной дороге в вагоне 3-го класса с выдачей ему кормовых денег по 15 коп. серебром в сутки, от Петербурга до Москвы должен был быть снабжен на двое суток пищей натурой (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 57 об., 61 об.).

4 февраля 1866 г. петербургским военным генерал-губернатором графом А. А. Суворовым-Рымникским, князем Италийским, было сделано распоряжение о дальнейшей приостановке высылки Чулкова, «который содержится в здешней тюрьме, находится в глубокой старости, болезненном положении и лишен зрения» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 64). Петербургским физикатом было дано заключение о невозможности высылки Чулкова в Енисейскую губернию по состоянию здоровья (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 69 об.). По заключению старшего врача больницы смотрителю Тюремного замка от 25 сентября 1866 г., «Чулкову 76 лет от роду, в течение 5-летнего заключения он несоразмерно времени постарел, сделался слабым и дряхлым, вследствие легкого апоплексического удара у Чулкова ослабли конечности правой стороны, Чулков совершенно слеп и страдает периодически от астматических припадков, в которых теряет сознание. По наименовании этих факторов представляю Вашему превосходительству решение вопроса, по собственному своему убеждению я вполне уверен, что подобного человека подвергнуть путешествию в осеннее время и в отдаленную губернию не следует» (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 76). Вследствие нажима со стороны губернского правления 25 января 1866 г. и губернского прокурора от 3 октября 1866 г., желавших о скорейшего окончания дела (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 80, 315), 11 октября того же года бывший священник был сдан для отправления по назначению этапным порядком. Доехав до Москвы, Чулков занемог, был помещен в больницу Пересыльного замка, где и умер 6 марта 1867 г. (ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314. Л. 83, 94).

Весьма характерно, что на защиту шлиссельбургского помещика не встали ни представители сословия, в котором он родился и к которому принадлежал в силу сана, ни того сословия, в которое он попал, но в котором недостаточно инкорпорировался. Многолетнее дело бывшего священника А. Е. Чулкова было весьма показательным и далеко не единственным осуждением «николаевского» помещика за злоупотребление властью, ознаменовавшее новую эпоху великих реформ Александра II.

Источники и литература

Источники

1. РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург). Ф. 796. Оп. 97. Д. 1208; Оп. 102. Д. 220; Оп. 106. Д. 918; Оп. 107. Д. 948; Оп. 109. Д. 136; Оп. 123. Д. 797; Ф. 806. Оп. 17. Д. 724.

2. ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург). Ф. 19. Оп. 3. Д. 632, Д. 633; Оп. 4. Д. 515; Оп. 8. Д. 559; Оп. 12. Д. 507; Оп. 15.

Д. 525; Оп. 34. Д. 210; Ф. 253. Оп. 3. Д. 44, Д. 46; Ф. 254. Оп. 1. Д. 16314; Ф. 268. Оп. 1. Д. 13143; Ф. 536. Оп. 4. Д. 970; Оп. 6. Д. 391; Ф. 1804. Оп. 1. Д. 6.

Литература

3. Бовкало — Личный сайт А. А. Бовкало. URL: [http:// http://www.petergen.com/bovkalokl/spburggpglsh.html](http://http://www.petergen.com/bovkalokl/spburggpglsh.html) (дата обращения: 03.06.2022).

4. Измайловский собор — Сайт Собора Святой Живоначальной Троицы Лейб-гвардии Измайловского полка. URL: <http://www.izmsobor.ru/ru/home/istoriya-sobora> (дата обращения: 03.06.2022).

5. Куторга — Геогностическая карта Санкт-Петербургской губернии / Сост. проф. С. [С.] Куторги. СПб.: тип. штаба Военно-учебных заведений, 1852. 1 л.: цв.: доп. карта, текст (23 с.).

6. Маньков — *Маньков С. А.* Придворная карьера протоиерея Гавриила Одоевского (1786–1867) // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 386–400.

7. Шуберт — Топографическая карта Санкт-Петербургской губернии / Сост. со съемки ген.-лейт. [Ф. Ф.] Шуберта и гравир. при Воен.-топогр. депо. СПб., 1834.